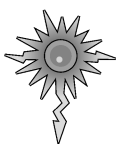

МАГИЯ БЕЗ ПРАВИЛ

Глава 1

Кошмары с ночи до утра и много позже...

Она глядела сон и преотлично сознавала, что сие есть не более чем сновидение — таковая гадкая глупость только пригрезиться и может. Комната, привидевшаяся ей, была мала, низка и вся каменная, потолок выведен сводами, и освещение тоже скудное, вроде факелом. Право слово, настоящее подземелье, будто в мрачных романах госпожи Радклифф¹. И господин в том подземелье тоже был словно из романов — зловец и бледен. Она пыталась шутить сама с собой — говорят, лучше нет, чем посмеяться над своим страхом! — поскольку надобно признаться: господин испугал ее не на шутку. Глаза его были поистине ужасны, будто и не человек он вовсе, а еще она увидала, что его бледные руки оканчиваются отвратительными желтыми когтями. Обряжен он был в грубую холстинную рясу, и попервоначалу показав-

---

¹ Радклифф, Анна (1764—1823) — популярная в XIX в. писательница, автор романов ужасов.

лось ей, что сия ряса грязна до невозможности и вся покрыта темными пятнами, но потом некое чувство подсказало, что пятна — не что иное, как кровь! И тут ей стало вовсе нехорошо.

Страшный господин держал в своих объятиях черноволосую панночку, юную совсем, и склонялся к ней, будто говоря нежные слова. А вот панночка оказалась прекрасной! Ничем она не походила ни на панну Ядвигу Потоцкую, ни на панну Барбару Чарторийску, что порой наведывались в свои палацы в Каменце, являя уездному городу истинный варшавский блеск. Черноволосая же панночка была худа до чрезвычайности и столь же бледна, да и обряжена тоже в некое подобие рваной рясы, но все едино хороша! Хоть и не нынешнего времени красота, а словно бы явилась та панночка из давних времен, когда маги по воздуху летали, а доблестные рыцари на турнирах копыя ломали.

И что-то подсказывало: не своей волей черноволосая панночка позволяет страшному господину себя обнимать — иначе разве стояли бы слезы в ее зеленых, как изумруды, очах, и разве глядела бы она на него столь гордо и непреклонно? И отчего-то казалось спящей, что знает она и эти глаза, и взгляд, и саму панночку знает, и ежели вспомнит, кто та да откуда, — вся жизнь изменится, и беды нынешние отступят. Но эта мысль едва успела промелькнуть, потому что дальше случилось ужасное! Бледный господин низко-низко нагнулся над

черноволосой панночкой... Из-под приподнявшейся верхней губы сверкнули два нечеловечески длинных клыка... И этими своими страшными клыками он впился в шею! Брызнула кровь, юная девица забилась в его руках — и бессильно поникла, запрокинув голову. Ее тонкое лицо становилось все бледнее и бледнее... Она умирала!

Поняв это, спящая отчаянно закричала.

— ...Панночко! Езус-Мария-Иосиф, цо то бендзе?¹ Очнись, мое дзецько!

Она резко села на взбаламученной постели. В сером свете слабенького осеннего рассвета увидала отброшенный в сторону кроватный полог и склонившуюся над ней няньку — на морщинистом лице старушки читалась тревога. А позади няньки...

— Что это? — задыхаясь от ужаса, спросила она, протянув руку к дверям.

Там, у брошенной нянькой приоткрытой створки... Да, да, там, у дверей спальни, стояла та самая черноволосая! Ее длинные кудри разметались по плечам, зеленые глаза смотрели с неизбывной печалью, а на неживой белизне шеи отчетливо алели полосы запекшейся крови.

— Господь с тобой, дзецько, ниц там нэма!²

Она приоткрыла в страхе зажмуренные глаза. У дверей и впрямь никого не было.

---

¹ ...Что будет? (польск.)

² Ничего там нет! (польск.)

— Ничего, ничего... — все еще тяжело дыша, пробормотала она. — Почудилось. Дурной сон, нянюшка. Мне снилось... — она наморщила брови, вспоминая — сон, только что казавшийся отчетливым и ясным, стирался из памяти, таял. — Подвал, вроде тех, что под ратушей в Каменце. И какой-то бледный господин. Нянюшка, какой ужасный господин! — она закрыла лицо руками. — И кровь — ах, сколько!

Нянька глухо охнула.

Она отняла руки от лица и вопросительно поглядела на старушку. Та отпрянула, испуганно прикрыв рот краем платка. Физиономия налилась значительностью, как всегда бывало, когда она носила в себе некую чрезвычайно интересную новость — вроде той, что их кучера Гаврилу поймали на сеновале с соседской горничной Явдосей. Папá тогда еще пришлось выкупать Явдосю у ее пана.

— И что же? — устало спросила она у няньки. Старушку всегда требовалось поощрить к повествованию. Впрочем, ежели и не поощрять, все едино расскажет сама.

Нянька отняла платок ото рта и, заговорицы оглядываясь, прошептала:

— То до тебе, дзецько, каменецкий упырь приходзил! — увидев проблеск интереса в глазах воспитанницы, присела на край кровати. — Во времена давние, еще за королей и польскую владу, летал той упырь з мяста на място, шэкал для себе нареченную. Только

жодна дзивчина ему не пидходила, и всех он выпивал насуху, всю кровь высмоктувал, проклятый! Прилетел он одного разу до Каменца, знающий человек говорил — беда будет, много невинных умрут. Та только спустился той упырь в ратушные подвалы... Уж кого он там зустрил, что с ним сталося — никто не ведзя! Пропал он с той поры начисто, будто и не было его, кровопийцы! Лише час от часу до каменецких панночек в снах приходит — все невесту свою шукает, адов выползень! — а взять уж не может, нет больше его силы.

— Довольно глупости рассказывать! — сухим, как бумага, голосом, перебила няньку воспитанница. Невеста, нареченная... Да как она смеет! Как она смеет напоминать, о том, что... что и так не удаеця забыть, даже во сне! Она зло поглядела на старуху. Право слово, иной раз она понимает панну Ядвигу, которая весьма предпочитает хлестать прислугу по щекам!

Нянька, видать, и впрямь поняла, что сболтнула лишнее, и теперь, вскочив с кровати, испуганно и в то же время покорно глядела на воспитанницу.

Та подавила вспыхнувшую ярость. Папá учил быть доброй и ласковой с дворней, ибо они находятся в полной власти панов и бесчестно срывать свой гнев на том, кто заведомо не может тебе ответить. Она откинула тяжелую пуховую перину и спустила ноги на холодный после ночи пол. Зябко обхватила себя за плечи, путаясь в пышных кружевах ночной кофты.

14 Илона Волынская, Кирилл Кащеев

— Вели затопить, да пусть подают умываться, — приказала она.

— Та не спешьсён, дзецько, полежи ще трохи! — поняв, что гроза пронеслась, старая нянька накинула на плечи воспитаннице тяжелую шаль.

— Нет-нет, пора вставать, — глядя сквозь мутноватое стекло на такой же мутно сереющий рассвет, покачала головой она.

— То я пришлоу покоивку¹, — кивнула нянька, по-католически, слева направо крестя свою воспитанницу, и, шаркая старыми войлочными тапками, побрела к дверям.

И уж у самого выхода ее догнал вопрос:

— Какой она должна быть — невеста вампира? — не оглядываясь, спросила воспитанница.

Нянька остановилась, придерживаясь за притолоку:

— Сильной. Она б упыря силой наделила, а он ей бессмертие дал, упырицей сделал. И ежели б сталося так, не было б от той упырицы спасения ани в замке, ани в костеле! — торжественно провозгласила нянька и вышла.

Она не видела, как ее панночка стояла у окна и, глядя на занимающийся рассвет, шептала:

— Лучше б уж за упыря замуж! Лучше бы...
Вошла девка с кувшином для умывания.

---

¹ Горничную (польск.).

Эту горничную она терпеть не могла. Мерзкая шпионка! Даже не оборачиваясь, спиной чувствовала, что низкий поклон девки на самом деле исполнен ехидного пренебрежения. Домашней прислуге мастерски удаются подобные выходы. Только не показывать! Ни гнева, ни обиды, ни раздражения... не унижаться!

Она отвернулась от окна и с деланным равнодушием поглядела на девку.

— Я велела растопить, — кивая на невычищенный, полный старой золы, давно остывший камин, сказала она, стараясь вложить в голос всю имеющуюся у нее твердость.

— А пани экономка велела, чтоб дров не расходовать, потому как все дрова у нас свои, не казенные! — бойко выпалила девка, с насмешкой глядя исподлобья на панночку.

— Дрова не у нас, а у меня, — стараясь говорить как можно внушительнее, сказала та. — Они и не казенные, и не свои, они — мои. Мне, а не пани экономке решать, топить в моей спальне или не топить!

— Как можно, панночка! — наглая девка всплеснула руками и уставилась на панночку пуговичными глазенками. — Пани экономка ночей не спит, дней не видит, ног под собой не чувствует, рук не покладает, все за вашим добром упадет, а вы такое про нее говорить изволите! Ладно ли так, панночка?

Панночка поглядела на нее задумчиво. Хоть и редко, однако бывали моменты, когда отцовский запрет пороть дворню представлялся ей

не вполне разумным. Впрочем, сие все мечты. Даже если она велит высечь нахалку, ее приказ все равно не будет выполнен. Дворня уж отлично усвоила, что можно безнаказанно унижать панночку-хозяйку, но упаси Господь хоть в малости не угодить пани экономке! Вот тогда быть холопской спине поротой, и никакое заступничество панночки не поможет, лишь хуже делается.

— Умываться-то будете али как, панночка? — плюхая перед ней таз, спросила девка.

Вода в кувшине, конечно же, не подогрета. Умываться холодной водой в выставшей за ночь комнате — ужас какой! Но если отправить мерзавку за теплой... Девка пойдет и пропадет надолго, вынуждая свою неумытую и непричесанную хозяйку разыскивать себя на поварне, выставляясь на посмешище дворне и ранним гостям. Нет уж, довольно она опозорилась, вступая с горничной в пререкания насчет дров! Она решительно сложила ладони ковшиком.

Ледяная струя брызнула на и без того зазябшие пальцы, превращая умывание в пытку.

По привычке внимательно приглядывая, что подлая девка делает с ее платьем, она начала одеваться. Было, было уж, пыталась негодяйка: то чулки вкось наденет, то волосы уложит так, что панночка напоминала встрепанную со сна прислугу. Хорошо, что мамá всегда воспитывала свою дочь в строгости — как же сердила ее тогда эта строгость и как пригоди-

лась она теперь! — и она умела сама не только одеться, но даже и причесываться, накручивая завитки локонов на раскаленный докрасна прут. Хотя видит Бог, какая же это мука — самой застегивать платье на спине!

Сунув ноги в туфельки, она внимательно оглядела себя в высоком зеркале. Давеча кто-то сказал, что траур необыкновенно идет к ее светлым волосам. Право же, она этого не замечала, но снимать траур не хотела. Черные одежды служили хоть какой-то защитой. Когда их придется снять, спасения уж не будет.

Она накинула шаль, но шерсть не грела, холод слишком глубоко поселился внутри. Чашка чая была бы сейчас блаженством. Кухарка, наверное, ставит самовар, а быть может, и калачи из печи вышли. Кухарка — баба добрая, не откажет она в чае с калачом своей панночке, особенно ежели пани экономка, не одобряющая такого панибратства с прислугой, еще из своей комнаты не спустилась.

Она подобрала юбки и заторопилась вниз по ступенькам. К высокому парадному портрету над мраморной лестницей, у которого всегда останавливалась. К портрету, где все еще живы, еще вместе. Папа в полковничьем мундире. Мама в бальном платье...

О Боже Всевышний! На ступенях, запрокинув голову, разглядывая висящий на стене портрет, стояла тоненькая бледная черноволосая барышня в странной бесформенной рясе! Та самая! Из кошмара!